

КУДА ДЕРЖИШЬ ПУТЬ ПАРЕНЬ ?

РАССКАЗ

АЛЕКС ЛА ГУМА

В НЕДРАХ музыкальных киосков по обе стороны улицы все еще гремела музыка. Разноголосые мелодии сливались в сплошную какофонию звуков, и невозможно было отличить одну мелодию от другой. Хозяева — еврей, индеец и грек — караулом стояли в дверях, зазывая последних покупателей. Лотки, нагруженные овощами и фруктами, еще были не убраны с тротуаров, и лоточники в белых куртках, размахивая коричневыми бумажными пакетами, наперебой выкрикивали цены одну ниже другой в надежде продать еще хоть малость, пока не кончен день. На автобусной остановке толпы людей штурмовали автобус. Праздношатающиеся гуляки по двое, по трое стояли у дверей магазинов, у витрин или под балконами домов, покуривая, посмеиваясь, задирая прохожих.

А над всем этим шумом, гамом и людской сутолкой весело плясала, перемигивалась неоновая реклама: «Кока-кола», «Распродажа сегодня и завтра», «Ювелирные изделия», «Модная одежда», «Мы оба умрем с голоду, если вы не перекусите у нас!», «Большой пикник в райской долине», «Роскошные автомобили», «Чай», «Кофе», «Табак», «Вы попробовали наши молочные изделия?», «Бильярдный клуб», «Ваше пожелание — закон для нас», «Салон готового платья».

Майкл Адонис лениво плыл по тротуару в людском потоке, растекающемся по улице, словно разматывающаяся с катушки бесконечная нитка.

Алекс Ла Гума (род. в 1925 году) — выдающийся современный южноафриканский прозаик и борец против расизма, лауреат Международной литературной премии «Лотос».

Из музыкального киоска несло пронзительно и надоедливо: «Когда-нибудь ты вспомнишь обо мне, мой милый» — песня, перебравшаяся сюда через Атлантический океан в виде гладких круглых патефонных дисков. Громкоговоритель над входом разносил джазовую новинку по всей округе. Майкл загляделся на пеструю витрину: банджо, мандолины, детали патефонов, струны, поп-итры, пластмассовые куклы из Японии, литографии, изображающие ангелов и Христа с терновым венцом на голове, из-под которого на его розовый лоб стекали яркие капли крови, словно отпечатки ядовито-красной губной помады.

В дверях магазинчика вырос толстяк с лоснящимися гладкими щеками:

— Желаете что-нибудь купить, сэр?

— Нет, — сказал Майкл Адонис и резко отшвырнул недокуренную сигарету.

Двое подростков в грубых рваных рубашках, с заросшими грязью ногами, ринулись к окурку, отталкивая друг друга.

— Привет, Мики, — раздалось позади.

Майкл обернулся.

— Привет, Джо.

Джо был невелик ростом, а стар он или молод, невозможно было определить по его лицу, покрытому плотной коркой грязи, как нельзя распознать какую-нибудь неожиданно ценную вещь в лавке старьевщика под грудой хлама. С этого лица глядели кроткие собачьи глаза, а пахло от Джо потом, затасканной одеждой и морем.

Брюки Джо давно обмахрились понизу. Лохмотья края огромных дыр на коленках были стянуты булавками или бечевкой. И как выглядели эти брюки в первозданном виде, из чего были сшиты, понять было нельзя, настолько были они залепаны грязью и затасканы.

На плечах Джо был старый-престарый плащ, доходивший ему почти до пят. Порванные рукава свисали лохмотьями, обнажая голое тело. Под плащом красовалась грязная жилетка, сколотая на животе большой булавкой. Обувь не поддавалась описанию.

Никто никогда не знал, откуда Джо приходил и куда исчезал вновь. О нем вообще никто ничего не знал. Просто в один прекрасный день он вдруг появлялся в этом районе, как таракан, выползший из щели в полу.

Большую часть времени Джо слонялся у бухты, подбирая остатки рыбацкого улова, выброшенные за ненадобностью. А иногда бродил по берегу моря, разыскивая мидии. У него была какая-то необъяснимая страсть ко всему, что связано с морем.

— Ну как дела, Джо? — спросил Майкл.

— Порядок, Мики.

— Чем занимался сегодня?

— Так, околачивался возле доков. Днем прищвартовался «Йорк Касл».

— Да?

— Ты любишь мидии, Майкл? Я принесу тебе немножко.

— Ладно, Джо, принеси.

— Я нашел вчера на берегу огромную морскую звезду. Большая-большая. Правда, она была мертвая и здорово воняла.

— Ты правильно сделал, что не притащил ее сюда, в город, Джо. Парни из муниципалитета намылили бы тебе шею.

— Я слышал, скоро на берег будут пускать только белых.

Рисунок М. Худатова

— Да, и я читал об этом в газетах. Вот дьяволы!

— К тому идет, что скоро вообще нигде нельзя будет появиться.

— Похоже на то, — согласился Майкл. Они поднялись вверх по улице, к «Королеве Виктории».

— Хочешь выпить, Джо? — спросил Майкл, хотя хорошо знал, что Джо не пьет.

— Нет, Мики, спасибо.

— Ну ладно, тогда пока.

— Пока, Мики.

— Ты уже ел?

— Как тебе сказать? Нет... Нет еще, — сказал Джо, застенчиво улыбнувшись и переминаясь с ноги на ногу.

— Ну ладно, Джо, вот тебе шиллинг. Купи себе чего-нибудь. Пакетик рыбы, например, с жареной картошкой.

— Спасибо, Мики.

— Ну что ж, Джо, будь здоров.

— До встречи, Мики.

— Не забудь про мидии, ты обещал, — сказал Майкл, зная наперед, что Джо все равно забудет.

— Принесу, принесу, — ответил Джо, улыбнувшись, и поднял руку в прощальном приветствии.

Казалось, он понял, что Майкл усомнился в его памяти, потому что добавил еще как можно более убедительно:

— Я не забуду, Мики. Вот увидишь, не забуду.

Джо побрел вверх по улице, и рваный плащ волочился за его спиной по выбитому асфальту, словно спасенное в жестоком бою, порубленное саблями и простреленное пулями боевое знамя.

Майкл Адонис свернул за угол, по направлению к бару, и тут увидел двух полицейских. Они

размеренно шагали, неся на встречу ему свои приплюснутые фуражки, брюки и куртки цвета хаки, блестящие пряжки на портупеях и тяжелые пистолетные кобуры на поясе. Лица их были угрюмы и холодны, словно вырубленные из глыбы льда. Глаза мрачно и пронзительно сверлили улицу, сверкая, как яркие, но мертвые осколки стекла. Они шли рядом, никуда не сворачивая со своего пути, прокладывая курс среди потока людей, словно два эсминца в океане.

Они подходили неотвратимо, все ближе и ближе, и Майкл Адонис, желая избежать встречи с ними, решил наконец свернуть в сторону. Но полицейские уже увидели его и легко разгадали маневр.

— Куда держишь путь, парень?

Голос прозвучал строго и резко, как щелчок стальной пружины. У говорившего были жесткие, тонкие, потрескавшиеся губы и редкий белый пушок над ними, широкие выпиравшие розово-белые скулы, густые огненно-рыжие брови и светлые белесые ресницы. На большом, тяглом подбородке зрел маленький фурункул, резко выделяясь

красным пятном на бледной коже.

— Куда держишь путь, парень?

— Домой, — ответил Майкл Адонис, глядя на пряжку ремня полицейского.

Известно по опыту, что лучше уставиться на какую-нибудь деталь полицейской формы — пуговицу на кармане, пряжку или гладкую блестящую полосу коричневого ремня, чем смотреть в глаза, ибо это может быть воспринято как оскорбление. Только очень смелому или очень глупому человеку пришлось бы в голову взглянуть прямо в лицо блюстителю порядка, как бы бросая вызов или ставя под сомнение законность его действий.

Второй полицейский стоял, засунув большие пальцы за пояс своего ремня, с отсутствующим видом, слегка улыбаясь. Впрочем, это нельзя было даже назвать улыбкой — просто слабое движение губ. Руки его на фоне ремня казались неестественно большими и широкими, и на этой белизне рельефно выделялись набухшие бледно-голубые вены. Редкие рыжие волосы, словно полегшая высохшая трава, росли на запястьях. Толстые пальцы, розовые суставы, блестящие, чистые, ухоженные ногти.

— Где у тебя дагга?¹ — рявкнул он зло и угрожающе.

— Я не курю даггу.

— А ну-ка выворачивай карманы, — приказал первый полицейский, — да побыстрее!

Майкл Адонис, не поднимая глаз, начал медленно опорожнять карманы. «Проклятые буры, проклятые буры!» — сверлило в мозгу. Прохожие останавливались, чтобы взглянуть на эту сцену, и тут же спешили дальше, наткнувшись на сверкающий холодным ледяным блеском взгляд.

¹ Дагга — индийский гашиш.

Майкл Адонис вынул и показал смятую, начатую пачку сигарет, остаток полочки, грязный носовой платок, кусочек завалявшейся в кармане, в соре и крошках, жевательной резинки.

— Отвечай, где украл деньги? — Вопрос прозвучал убийственно серьезно, без тени юмора, и резанул по нервам, словно пилой.

— Я не украл их, баас. (Проклятый бур!)

— Ладно, проваливай отсюда, ублюдок, только не вздумай еще раз попасться нам на глаза, слышишь?

— Да. (Проклятый бур!)

— «Да» — кто? Ты с кем разговариваешь?

— Да, баас. (Ах ты, проклятый, подлый бур, с этим проклятым пистолетом и рыжими волосами!)

Полицейский отпихнул Майкла локтем в сторону, и блюстители порядка как ни в чем не было двинулись дальше по тротуару.

Майкл молча рассовал все свое добро по карманам, и в глубине его души в который раз вспыхнуло знакомое чувство ярости, гнева и обиды, перемешанное с болью и страданием.

Перевел с английского
Валентин Коткин

ШАМСЕДДИН ХАФИЗ

НА ГОРНЫХ тропах и в зеленых долинах Таджикистана, Ирана, Афганистана, всюду, где звучит язык фарси, вы можете не раз услышать протяжную, полную очарования и удивительной непосредственности песню о соловье, умирающем от любви к прекрасной розе. Певцы по большей части даже не задумываются над тем, кто автор этой песни. Они просто знают ее с самого раннего детства, она неотделима от их внутреннего мира, она — органически присущее им духовное наследство, переданное предками из поколения в поколение.

Кто же творец бессмертных строк о соловье и розе? Гениальный лирический поэт Востока Хафиз, чье творчество — драгоценное достояние народов, одно из высших достижений мировой поэзии. Не случайно имя Хафиза овеяно легендами, оно стало нарицательным обозначением «поэта» вообще.

Шамседдин Мохаммед Ширази, получивший в народе имя Хафиз (певец), жил в XIV веке. В этом году отмечается 650 лет со дня его рождения. Почти всю жизнь он провел в Ширазе, одном из красивейших городов Ирана, крупнейшем культурном и торговом центре той эпохи.

Время Хафиза — жестокий век, наполненный кровавыми войнами, феодальными междоусобицами, гнетом и произволом сильных мира сего. Но Хафиз не стал прислужником феодальных правителей, воспевающим их походы и набеги, он не окружал властителей ореолом божества, не раболепствовал перед ними.

Народ создал легенду о том, как к знаменитому завоевателю Тимуру привели одетого в рубище Хафиза за то, что он говорил: «Если красавица Ширази примет мое сердце, то за одну темную родинку на ее щеке я подарю ей и Самарканд и Бухару». «Я покорил весь мир, — сказал разгневанный Тимур, — ради того, чтоб возвеличить Самарканд и Бухару, а ты раздаешь их за какие-то родинки». «Что делать, — смело ответил

поэт, — ты сам видишь, до какой нищеты я дошел из-за такой расточительности».

Хафиз открыто протестовал против унижения человека, духовного рабства, эгоизма и ханжества, которое он наблюдал у своих современников, стоявших на вершине социальной лестницы.

*Благородства нет у надменных владык!
Прежде чем откроют дверь —
жизнь бесследно пройдет...*

Горькие мысли об окружающем не заводили Хафиза в пессимистический тупик. Наоборот, он пришел к бесстрашному выводу:

*Да, я считаю, что пора людей переродить:
Мир надо заново создать — иначе это ад!*

Хафиз любил жизнь, несмотря на весь ее трагизм:

*Мой скудный жребий тяжек,
подъем дороги крут.
Унижен я пред теми, кто гордостью надул.
И только лишь коснувшись
кудрей в безумной страсти,
Я гордо выпрямляюсь, не зная рабских пут.*

Изумительны строки Хафиза, посвященные любви; для него любовь — великая сила, перерождающая человека; не утеха, уводящая его в мир несбыточных грез, не пленительный мираж, не прибежище от обид и житейских невзгод, любовь — бунт сердца, крик взволнованной и свободной души, земное, реальное, всеобъемлющее чувство, безграничный творческий стимул, побуждающий человека творить в своей жизни добро.

Чарующе звучание стихов Хафиза, отточенная их художественная форма, безупречно и несравненно поэтическое мастерство великого поэта. Но не только оно привлекает к нему сердца читателей, живущих в XX веке. Многие строфы Хафиза звучат, как написанные сегодня, как голос современника, они доносятся через тысячелетия, потому что он мечтал о том, что составляет главную заботу нашего времени, — о счастье людей, обитающих на земле.

УСПЕХ НЕФТЕДОБЫВАЮЩИХ СТРАН

Б. СОЛОВЬЕВ

В А ПОСЛЕДНИЕ 10 лет в отношении между империалистическими монополиями и странами, экспортирующими нефть, произошли значительные изменения. Если в начале 60-х годов империалистические державы, используя политическую и экономическую слабость стран, которые совсем недавно сбросили с себя иго колониализма, беззастенчиво навязывали им кабальные договоры и выкачивали из этих стран баснословные прибыли, то уже на пороге нового десятилетия мы видим, как неудержимо растет сопротивление молодых государств, добывающих новых, более выгодных для себя условий в концессионных договорах и соглашениях. Этому способствовал ряд самых различных факторов: размах национально-освободительного движения, приведший к установлению национально-демократических республиканских режимов в таких нефтедобывающих странах, как Ливия, Ирак и Алжир, научно-техническая революция, проникающая в развивающиеся страны, тенденция молодых государств к сплочению и совместной борьбе против империалистических монополий, все более обостряющиеся противоречия между этими монополиями. Среди других факторов следует прежде всего отметить поддержку и дружескую помощь СССР и стран социалистического содружества.

Если мы оглянемся назад, перед нами раскроется картина самого откровенного грабежа на так называемых законных основаниях. Получение 60 процентов доходов от добываемой нефти за последние 20 лет дало монополиям свыше 32 миллиардов долларов прибыли. Почти безраз-

дельный контроль над переработкой, хранением и сбытом нефти также приносил монополиям колоссальные барыши. Только в 1968 году доход монополий от сбыта переработанной нефти превысил 18 миллиардов долларов (страны-экспортеры Арабского Востока получили лишь мизерную часть этой суммы). Материальная помощь империалистических держав странам Ближнего Востока в развитии их национальной нефтедобывающей промышленности также крайне мала из-за нежелания монополистов видеть в этих странах нечто большее, чем свой сырьевой придаток.

Международный нефтяной картель (МНК), созданный по инициативе США, всячески ущемлял интересы арабских стран. В результате проводимой им дискриминационной политики снижения цен на арабскую нефть финансовый ущерб, понесенный одним Ираком в 1965 году, достиг свыше 30 миллионов долларов. В конце 60-х годов небывалых темпов достигла перекачка нефти из Ливии. Около 40 иностранных компаний, главным образом американских, полностью захватив в свои руки разведку и добычу нефти, за короткий срок пустили в ход шесть нефтепроводов и уже в 1967 году вывезли из Ливии 83,5 миллиона тонн нефти. Покупалась она по явно заниженным ценам. Подобному же ограблению подвергались и другие богатые нефтью развивающиеся страны.

Ныне иностранным монополиям все чаще приходится встречать отпор молодых государств, которые требуют пересмотра грабительских соглашений, навязанных им в первые годы независимости. Так, например, в Ираке после свержения монархии и установле-

ния республиканского режима в 1958 году одним из первых мероприятий нового правительства явилось развитие нефтедобычи и создание государственного сектора нефтяной промышленности. Под нажимом иракского правительства английская «Ирак петролеум компани» (ИПК) и другие были вынуждены сделать ряд уступок. Они «согласились» снизить процент по полученному Ираком в 1966 году займу с пяти до трех, а также сохранить высокий уровень добычи нефти. В 1961 году республиканское правительство Ирака потребовало от нефтяных монополий пересмотра различных положений в концессионных соглашениях, которые явно ущемляли интересы страны. В этой борьбе правительство Ирака получило активную поддержку народа, прессы и различных общественных организаций. Нефтяные монополии, пытаясь оказать давление на Ирак, сорвали переговоры. В ответ на это правительство Ирака 11 декабря 1961 года приняло решение экспроприировать у нефтяных компаний неэксплуатируемые территории концессий. Это давало возможность стране создать собственную, Иракскую национальную нефтяную компанию (ИННК), что и было сделано в 1964 году. В дальнейшем в Ираке принимался ряд мер для ослабления монополии ИПК: договоры с французским государственно-монополистическим объединением ЭРАП, с СССР о содействии Ираку в разведке и добыче нефти.

Многолетняя борьба за улучшение концессионных договоров доказала развивающимся странам необходимость действовать сообща. Создание в 1960 году Организации стран — экспортеров нефти (ОСЭН) явилось значи-